

— Вы можете извиниться на любом языке, каком пожелаете, просто не лезьте в чужие дела.

Она поддела одну за другой три пуговицы на его сюртуке и улыбнулась, когда они попадали на доски пристани.

— Боже, какая вредная малышка! — воскликнул он по-английски, глядя, как пуговицы закатились в щель, исчезнув там навсегда. — Но, пожалуйста, позвольте мне застегивать и расстегивать жилет самому, когда мне этого захочется.

Он криво улыбнулся.

— Может быть, вы хотите, чтобы я и остальные отрезала, — предложила она, — поскольку одеваться... Эй, отдай!

Он с интересом рассматривал резную ручку ножа из слоновой кости.

— Конечно отдам, минутку. — Он осторожно провел лезвием по подушечке пальца и нахмурился, когда на пальце выступила красная полоска крови. — О боже, — прошептал он, глядя, как кровь закапала на землю, — возможно, вы могли бы рассказать мне, как найти доктора. Кажется, я поранился вашим ножиком.

— Только не теряйте сознания, — выпалила она, оглядываясь в поисках помощи. — Вы слишком большой, я вас не унесу. И отдайте нож.

— Хорошо, только обещайте, что больше не будете портить мою одежду. — Осторожно обняв ее за плечи, он быстро засунул оружие в ножны. Откуда только он узнал, где они находились? После этого он тяжело оперся на ее плечо. — Будьте добры указать мне дорогу к заведению господина Буреля. Надеюсь, у него найдется для меня комната.

— Решайте уже, кто вам нужен — трактирщик или доктор?

— Мне нужно сесть. Где угодно.

Он закрыл глаза, давая ей возможность полюбоваться своими длинными ресницами, которым позавидовала бы любая дебютантка. Лиз, однако, не собиралась ничем любоваться.

— Через дорогу от трактира есть цирюльня и приемная доктора.

— Мадемуазель так добры ко мне, — юноша снова переключился на французский, вероятно поняв, что это ее родной язык, но тем не менее его голос сохранил томный мягкий тон истинного испанца. — Сожалею, что нас не представили друг другу. Меня зовут дон Рафаэль Мария Гонсалес де Риппарда. Я торговец из Нового Орлеана, и я к вашим услугам.

— Я бы сказала, что это я к вашим услугам. — Она заметила, как игриво изогнулся уголок его красивого рта. — Хватит прикидываться. — Она стряхнула с плеча его руку. — Столько шуму из-за капельки крови.

Испанец удивленно посмотрел на нее:

— Мадемуазель, это не так. Каждая капля крови мне бесконечно дорога.

— Откуда вам знать, что я мадемуазель, а не мадам? А? Вы слишком самонадеянны для чужака.

— А вы действительно мадам? Вероятно, вашему несчастному мужу приходится колотить вас каждый день. Посмотрите только, что вы со мной сделали. — Он показал на испорченный сюртук. — После такого приема стоит ли сюда возвращаться?

— Ну и катитесь и не возвращайтесь!

Он грустно улыбнулся:

— Вы действительно не собираетесь сообщить мне ваше имя?

Девушка хмуро окинула его взглядом. Этот молодой человек казался слишком ленивым, чтобы быть опасным, даже несмотря на его рост и ловкость, с которой он забрал у нее нож. К тому же он спугнул того мерзкого матроса. Еще от него приятно пахло чем-то, напоминающим сандаловое дерево.

— Я мадемуазель Лиз Ланье. Родом из Бэй-Минетт, — добавила она, удивляясь сама себе. — Обычно я не грублю, и я благодарна, что вы отогнали от меня этого негодяя.

В ответ Рафаэль Гонсалес одарил ее белоснежной улыбкой, сорвал с головы треуголку с красным пером и отвесил два глубоких поклона, что, учитывая ее непритязательный вид, выглядело неуместно.

— Вы полностью прощены, милая мадемуазель, сеньорита, мисс. И какое у милой леди прелестное имя! Если все женщины Мобила такие же, я обречен быть их рабом. Возможно, чтобы сохранить здравомыслие, мне необходимо, как Персею, взглянувшему на сирен, ходить здесь с закрытыми глазами.

Лиз рассмеялась и, взяв его под руку, потянула в сторону заведения Буреля.

— Тогда бы вы точно были в беде, смешной вы человек! Вы описали сейчас Одиссея, которому пришлось залить уши своим матросам горячим воском, а себя привязать к мачте, потому что опасно было пение сирен, а не их красота.

Испанец устало взмахнул рукой:

— Все эти замшелые греки похожи друг на друга. Никогда не мог в них разобраться. Но спешу вас уверить, что в ужасе убегу, если вы начнете мне петь.

Лиз никогда в своей жизни ни с кем так не разговаривала. Этот человек разбирался в греческой мифологии. Лиз ждала, что он спросит, откуда девушка, гуляющая по пристани босиком и одетая не в самую импозантную одежду, знает, какая разница между Персеем и Одиссеем.

Но он продолжал идти рядом с ней, насвистывая какую-то мелодию, похожую на «Down among the Dead Men»¹, пока она наконец нехотя не заметила:

— Я не умею петь.

¹ «Down among the Dead Men» («Лечь среди мертвецов») — застольная английская песня, впервые опубликованная в 1728 году. «Мертвецы» здесь — пустые бутылки, а выражение «лечь среди мертвецов» означает напиться до состояния, когда оказываешься под столом среди пустых бутылок.

— Ничего страшного. Я могу петь за нас обоих.

И, к ее удивлению, он затянул «De Colores»¹. На улице было много людей, которые улыбались, услышав Рафаэля, и мечтательно смотрели ему вслед. Лиз схватила его за руку:

— Прекратите! Это не Новый Орлеан. Здесь люди не поют на улице.

Рафаэль осекся и томно посмотрел на нее:

— Не поют? Очень неудобно. В следующий раз прихватчу гитару.

— На гитаре посреди улицы здесь тоже не играют. — Лиз хихикнула и остановилась перед таверной. Это было самое большое здание вне стен форта — двухэтажное с широкой террасой, на которой стояло несколько стульев и кресло-качалка. — Вот и таверна. Хотите посидеть здесь, перед тем как отправиться в свою комнату? Я могу зайти и попросить принести вам кружку пива.

— Вы очень добры, мадемуазель, но я хочу попросить вас об одной услуге. Передайте, пожалуйста, это письмо майору Редмонду.

— Майору Редмонду?

Интересно, какие дела могут быть у серьезного отца Дейзи с этим ленивым молодым испанцем?

— Вы его знаете? — Гонсалес нахмурился. — Я оказался в нужном месте снова, не так ли?

Она рассмеялась:

— Его дочь — моя любимая подруга. Что ему передать?

Гонсалес улыбнулся, явно радуясь своей удаче.

— Я привез из Гаваны сто фунтов сахара. Их сейчас разгружают. И я хочу пригласить его на ужин сегодня, если он свободен.

Лиз кивнула:

¹ «De Colores» — традиционная испанская народная песня, хорошо известная во всем испаноязычном мире.

— Я передам. — Она сильно сомневалась, что занятой майор захочет покинуть форт, чтобы отужинать с молодым торговцем, который даже не побеспокоился самостоятельно доставить приглашение. Но Лиз не видела Дейзи уже несколько дней, и теперь у нее появился повод проведать ее. Она сделала шаг в сторону улицы. — Вы точно не хотите, чтобы я нашла слугу, который мог бы вам помочь?

— Нет, спасибо. — Он распахнул свой красный парчовый сюртук, у которого, увы, не хватало пуговиц. Лиз показалось, что он похож на какого-то кардинала. — Как видите, я в полном порядке. Не стоит беспокоиться. — Положив ладонь на эфес шпаги, Рафаэль поднес руку Лиз к губам для поцелуя. — *Adieu, mademoiselle. Adios, señorita*¹. Прощайте, миледи. Уверен, мы еще встретимся.

Лиз присела в реверансе, высвободила руку и поспешила на улицу, не желая, чтобы кто-нибудь заметил, как она разволновалась от прикосновения губ испанца к ее руке.

«Какой выскочка», — подумала она, поспешив к форту.

Как же Дейзи будет смеяться, когда она ей все расскажет об этом странном молодом испанце.

Дейзи не удивилась.

— И почему ты бродила там одна? Ты же знаешь, что Симон запретил. — Она отложила вышивку и встала. Ее голубые глаза светились беспокойством. — В конце концов, ты могла взять с собой кого-нибудь из младших братьев.

Лиз щелкнула пальцами.

— *Вот* что я думаю о запретах Симона! Он мне не отец и не учитель. — Она не могла не улыбнуться, подумав о том, как подруга хотела ее защитить. — И какой толк от пятилетнего ребенка, если на меня нападут бандиты?

— Он мог бы сбежать за помощью!

¹ Прощайте, мадемуазель (фр.). Прощайте, сеньорита (исп.).

— Ах! — Лиз потянулась за вышивкой подруги. — Не знаю, как ты делаешь такую мелкую работу. У Жюстин никогда так не получается.

Но Дейзи было не так просто отвлечь.

— Тебе повезло, что этот испанец оказался рядом и спугнул матроса. Я попрошу папу хорошо его вознаградить.

— Дону Рафаэлю не нужны деньги. — Лиз ухмыльнулась, когда Дейзи закатила глаза. — Он просто хочет поговорить с твоим отцом, и это то небольшое, что я могу сделать в благодарность за его... благородство.

— Судя по всему, он настоящий фат. Он действительно потерял сознание при виде собственной крови?

Дейзи сняла со спинки стула кружевную шаль и направилась к входной двери. Лиз покачала головой, размышляя о неисправимой честности подруги.

— Ему просто нужен был предлог, чтобы обнять меня. — Она хохотнула. — Я думаю, он тебе понравится, Дейзи. По крайней мере от него хорошо пахло.

— Чего нельзя сказать о твоём брате. — Дейзи горько рассмеялась. — От него всегда воняет рыбой.

Лиз улыбнулась, спускаясь по ступенькам.

— Он бы сказал, что это запах хлеба и сливочного масла. Надеюсь, он наловил достаточно рыбы, иначе сегодня мы будем голодать. До полудня я успела продать все, что у нас было, именно поэтому и пошла к пристани. — Прикрыв глаза от палящего солнца, она остановилась возле лестницы, глядя на видневшиеся вдали главные ворота форта. — Твой папа́ на службе сейчас?

— Да, он будет у себя в кабинете в административном здании. Он велел мне приготовить ужин к семи, поскольку собирается пригласить несколько младших офицеров. — Дейзи хмыкнула. — Он надеется, что я потеряю интерес к Симону.

— Французский креол-рыбак никогда не будет тебе хорошей партией, Дейзи. Особенно тот, чей дед был рабом.

Лиз сказала об этом без тени грусти. Они хорошо знали, что многие британские военные и обычные горожане не одобряли их дружбу, а неожиданный роман между дочерью майора Редмонда и Симоном Ланье и вовсе привел к оглушительному скандалу.

— Но *другая* часть твоей семьи — одна из старейших в городе. А Симон — брат моей лучшей подруги. — Дейзи взяла Лиз за локоть и проводила до ворот. — Папе придется привыкнуть к мысли, что я не выйду замуж за военного, сколько бы он их ни водил к нам домой, чтобы я их кормила.

— По крайней мере ты научилась готовить! Иногда я гадаю, не вызван ли интерес Симона, хотя бы отчасти, возможностью сбежать от рыбного рагу Жюстин?

— Ну, Лиз... — Дейзи неодобрительно посмотрела на нее. — Бедная Жюстин...

— *Бедная Жюстин* знала, во что ввязывается, когда выходила за моего отца.

Лиз решила больше не обсуждать Жюстин. Ее молодая мачеха была красивой глупышкой, но она не заслуживала тягот, которые выпали на ее долю рядом с обаятельным пьяницей, двумя своевольными взрослыми пасынками и тремя, уже почти четырьмя, малолетними детьми.

Как обычно, Дейзи угадала ее мысли.

— Как считаешь, сколько времени еще пройдет, прежде чем...

— Прежде чем родится ребенок?

Дейзи была слишком деликатна, чтобы говорить об этом прямо, но у Лиз подобных проблем не было. Она помогала при рождении младшей сестры и брата, Женевьевы и Дени, и у нее в памяти все еще были свежие крики Люк-Антуана, возвещающего о своем появлении на свет.

Щеки Дейзи порозовели.

— Папа сказал, что я могу послать ей пирог со свиной или еще что-нибудь питательное, когда придет время.

— Я уверена, что пирог со свининой ее порадует, — подмигнула Лиз. — Осталось мало времени. Господи, она еле в дверь проходит. А дом трясется, когда она идет с кухни на заднее крыльцо.

— Лиз! — Дейзи захихикала. — Так говорить некрасиво!

— Но это же правда. — Лиз попыталась спародировать тяжелую походку Жюстин, уперев одну руку в бок и тяжело переваливаясь с ноги на ногу. Внезапно она подпрыгнула и закружилась на месте. — Ах, Дейзи! Благодаря твоему пирогу мне хочется плясать! Как же я могу тебя отблагодарить!

Уперев руки в бока и трясясь от смеха, девушки приветствовали часового, который открыл им ворота и впустил в форт Шарлотт, который во время долгого управления французов назывался форт Конде. Британцы перестроили ветхий форт и назвали его в честь своей королевы восемь лет назад, но древесина уже начала гнить под действием жары, влажных ветров и неистребимых жуков. Лиз была уверена, что во время следующего ливня частокол вокруг форта рухнет.

Лиз никогда бы не пошла в форт одна, но с ней была подруга Дейзи. Вдвоем они часто бегали с поручениями в кабинет майора Редмонда. Пока они шли к главному зданию форта, Дейзи оглядывалась в поисках знакомых лиц. В последний год несколько ребят, с которыми она выросла, присягнули английской короне и были зачислены в армию.

Она не увидела ни одного знакомого. Внезапно из сторожки караульного вышел молодой офицер и быстро подбежал к ним.

— Мисс Редмонд! — запыхавшись, воскликнул он. — Лиз, то есть мисс Ланье! Могу ли я проводить вас, куда бы вы ни шли?

Дейзи остановилась и бросила на него раздраженный взгляд.

— Спасибо, Нил, но мы сами можем найти дорогу.

Поспешно сняв с головы треуголку, юноша неуклюже поклонился и выпрямился, гремя шпагой. По его лбу градом катился пот.

— Уверен, что это так, но ваш отец велел мне не спускаться с вас глаз, если вы здесь появитесь...

— Ради всего святого, Нил, — прервала его Лиз. — Где майор Редмонд?

Нил нахлобучил треуголку на голову.

— Он с полковником Дернфордом, но вам туда нельзя! — Он поспешил за девушками, которые двинулись дальше, не обращая на него внимания. — Эй! Я же сказал...

— Я тебя услышала, — кинула Дейзи через плечо.

Она быстро поднялась по ступенькам на террасу и толкнула тяжелую дубовую дверь. Лиз и Нейл поспешили следом за ней. Дейзи остановилась перед столом помощника отца.

— Капрал Тулли, я хочу говорить с отцом.

Тулли оторвал взгляд от бумаг, которые внимательно изучал, и вздохнул:

— Мисс Дейзи, вы же знаете, что нельзя врывать сюда без спроса. Майор мне голову оторвет. — Он с опаской поглядел на закрытую дверь. — У него там полковник Дернфорд.

Дейзи уже открыла рот, чтобы начать ругаться, но Лиз ее опередила:

— Это мы слышали. А почему он тут?

По опыту она знала, что приезд вице-губернатора Западной Флориды всегда предвещал неприятности.

— Я не могу обсуждать это с маленькими девочками. Даже если бы я знал. — Тулли почесал голову, покрытую редкими рыжеватыми волосами. — Они уже сидят там почти два часа. — Он нахмурился. — Поэтому вам лучше пойти домой и поиграть в куклы.

Лицо Дейзи окаменело.

— Капрал Тулли, вы забываетесь...

Дверь в кабинет майора распахнулась. На пороге появился майор, окутанный клубами сигарного дыма.

— Дейзи? Мне показалось, что я услышал твой голос. Ты в порядке?

— Да, папа. Но Лиз хочет тебе передать какое-то сообщение. — Дейзи взяла Лиз за руку и притянула к себе. — Рассказывай, Лиз.

Лиз заколебалась. Они с Дейзи дружили с тех пор, как познакомились еще детьми, но симпатичный майор с бакенбардами все еще заставлял ее коленки дрожать. И то, что он нетерпеливо нахмурил брови, не помогало делу.

— Что случилось, девочка? У меня довольно важное совещание.

Лиз посмотрела на двух мужчин в форме, сидевших в кабинете майора. Один был юнцом, попыхивающим гаванской сигарой, а другой, потягивавший французский коньяк из бокала, почти точной копией майора.

Лиз собралась с мыслями.

— Сэр, простите за вторжение. Но у меня сообщение от одного молодого человека, которого я встретила сегодня утром возле верфи, дона Рафаэля Мария Гонсалеса де Риппарды, торговца из Нового Орлеана.

Выпалив его длинное имя, она чуть не закатила глаза. Занятой майор едва ли воспринял бы ее рассказ всерьез в таком случае.

Но Редмонд заинтересовался.

— Риппарда! Правда? — Он ухмыльнулся. — Удивлен, что он не пришел вместе с вами. Где этот юный прохвост?

Лиз и Дейзи переглянулись.

— Он остановился у Буреля, сэр. Он сказал, что хочет отужинать с вами сегодня вечером. Или когда вам будет удобно. — Последнюю фразу она добавила от себя из вежливости.